Кофейня в сердце Парижа

Автор:
Вячеслав Прах

Кофейня в сердце Парижа

Вячеслав Прах

После ошеломляющего успеха «Кофейни» число поклонников творчества Вячеслава Праха перевалило за четверть миллиона человек! Книга стала событием 2016 года и взволновала сердца тысяч читателей по всей стране и за ее пределами. Новый роман возвращает нас в волшебную атмосферу «Кофейни». Перед нами – пронзительная и трогательная история любви, проходящей все стадии: опьянение, охлаждение, разлука, невозможность существовать ни вместе, ни порознь. Любви, которая никого не щадит. Романтичной и жестокой, с неожиданным финалом.

Вячеслав Прах

Кофейня в сердце Парижа

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© В. Прах, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

***

«Кофейня» – невероятно успешный дебют Вячеслава Праха.

В группы поклонников его творчества в соцсетях записались уже около 250 000 человек, а во всех популярных пабликах, посвященных взаимоотношениям мужчин и женщин, есть цитаты из его книг.

***

«Нежная и чувственная история взаимоотношений мужчины и женщины. Запах свежесваренного кофе, поцелуи, ощущение безграничного счастья… Невозможно оторваться».

Отзыв с LiveLab.ru

***

Если вы читали «Кофейню», то забудьте ее.

В мои двадцать два вещи остались прежними, изменился мой взгляд на них. Прошло три года с тех пор, как я написал первую книгу. И могу теперь сказать точно, что в девятнадцать я еще не умел рисовать…

Посвящается каждому моему читателю, каждому незнакомому мне человеку, каждому прохожему, однажды остановившемуся возле этой книги.

Спасибо вам за то, что я есть.

И тебе, моя главная женщина, мое вдохновение, моя Ляля.

Спасибо тебе за то, что мы есть.

Вячеслав Прах

Вступление

Я любил ее… Нет, не так, как любят своих женщин сильные мира сего. Я любил ее, как ребенка, пусть и наивно, пусть безответно. Порой мне не нужен был ее ответ на мои чувства, это только влюбленность требует взаимности. Я любил ее безусловно, потому что не важно, сколько красоты она вкладывает в слово, когда ее губы сотканы из прелести земной. Лучшей ее прелести. Слова горчат, губы – нет.

Я любил ее так нежно, словно она – редчайшего вида альбинос, и ее снежную кожу можно ранить одним неверным касанием. Властные касаются грубо, властных не касаются в ответ. Грубость мужская – это небрежность, в первую очередь к женщине, а вот ее я берег. Мы храним лучших женщин мира в рамках, я ее хранил у себя в постели. Во сне. И внизу живота. Нельзя беречь то, что разбито, и когда мы разбивали бокалы, то выбрасывали их осколки. Красивые были бокалы, но из них теперь не выпить вина. Прошлое больше не кровоточило, будущее плыло в сторону мечты, настоящего нет, нам так казалось, что его нет.

Я любил ее без рамки. Никогда не любил целовать холодную фотографию, только теплую кожу, только горячие губы, только сухие глаза, иногда даже мокрые, только веки и нос. Гордые не любят, когда их целуют в нос. Дети тоже. Я любил ее… Но сказать, что она меня не любила – это ложь. Я просто не требовал от нее такой любви, которую давал. И всего. Я позволил себе раствориться в ней, я позволил себе испытать самое сильное чувство – когда я умираю, чтобы вновь возродиться, когда я возрождаюсь, чтобы снова умереть. Мне кажется, что я познал жизнь через нее. Я познал себя.

Я любил ее – это все равно что – я губил ее, ведь нельзя же любить, не погубив. Не растоптав. Не испачкав собой. Не предав. Не убив. Не уничтожив. Нельзя!

Я любил ее, не погубив. И каждым своим последующим словом я докажу, что можно.

Глава первая

«Пьеро»

Там делают самый вкусный кофе в городе. Там, где когда-то произойдет трагедия. Там, где в другом конце зала я встречу твоего убийцу. Ты сейчас меня ведешь в то место, где обретешь свое бессмертие.

Ты давно умерла. И только спустя год я взял в руки карандаш и блокнот, так странно, ручек в моей квартире не было, только карандаш. Я начал писать, так как это было моим спасением. Одним из тех кругов для утопленника, который бросают на шею, когда в легких уже смертельное количество воды. Еще и картины… Я рисую. Нет, я рисовал. Когда-то давно, вчера или месяц назад, может, три. У меня нет календаря, чтобы следить за временем, а потому я наблюдаю за людьми из окна. Они живут, черт возьми, нет, они проживают, отматывают свою жизнь, ускоряют ее ранним утром, замедляют поздним вечером, они пытаются обойти время, вот только его невозможно обойти. Жизнь обходит их стороной. Обгоняет. Они не живут, а лишь просыпаются, чтобы снова уснуть. И я не живу. Не дышу – так будет точнее.

Если бы я знал, что в другом конце города, нет – мира, ты есть, дышишь со мной одним воздухом, смотришь из своего окна на соседний дом и проезжающие автомобили внизу, то я, даже не зная твоего имени, отправился бы в кругосветное путешествие и всю свою жизнь посвятил бы поискам тебя. У меня даже твоего фото нет. А оно и не нужно. Я бы искал тебя сердцем. Если бы я знал, что ты на другом краю земли, то прожил бы свои оставшиеся годы счастливым, ведь шанс найти то, что есть, даже один на миллион, настолько велик, что задурманивает мой рассудок. У меня начинают трястись руки, с этим ничего не поделаешь. Не всегда разборчивый почерк. Но вот шанс найти то, чего в этом мире нет… Другими словами – дорога в петлю намного ближе. Тебя нет. А твой фантом ходит со мной повсюду. Твоя копия, образ твой, который я придумал для себя, он сшит из памяти моей. Ты в этом образе такая, какой я тебя запомнил.

– Пей, пока горячий. Холодным он будет невкусный, – сделала глоток моя неявственная, окутанная туманом, Женщина. Мы сидели в самом конце зала, где нам никто никогда не мешал, и стука двери не было слышно. Она сидела напротив меня, за спиной у нее было окно, за спиной у меня – другой столик.

Я в тот момент не смотрел на нее так, словно эта встреча будет прощальной, словно больше никогда ее не увижу. Закрываешь глаза, открываешь их, а перед тобой пустой стул. И чашка горячего кофе.

– Ваш счет.

Этот высокий, худой официант с безразличием в глазах, он единственный и неповторимый, других тут нет.

– Я возьму с собой.

Он, наверное, давно уже привык, что я могу часами разговаривать с пустотой. Или, может быть, он думает, что я обсуждаю прохожих, которых видно, если смотреть в окно? В любом случае, ему придется смириться с этим, так как других посетителей в этом месте нет. Пока нет.

Там делают самый изысканный кофе. Одна чашка на двоих…

Твой убийца никогда не пил кофе. Он заказывал себе стакан воды. Я наблюдал за ним девять месяцев и каждый день, проведенный с ним, я молил Бога, чтобы он не умер от сердечного приступа или же от судьбы. Я – теперь его судьба. И ему осталось жить совсем недолго. Девять проклятых месяцев я вынашивал план своей мести. Он не мог никуда убежать, он не мог умереть внезапно, без моего ведома – это было исключено, я преследовал его за каждым углом, наступая на пятки. Он чувствовал меня затылком, но не имел смелости обернуться, чтобы посмотреть в мое лицо. Париж обречен. Ведь если ты нажал на курок, то пулю уже не остановить. Она обязательно попадет в свою цель. Пуля – не человек, у нее нет сердца и предрассудков. Пуля справедливее судьи, у нее не бывает неверного приговора.

Спустя месяц в эту кофейню вошел мужчина, крупный человек с надменными повадками в дорогом костюме. Он заказал себе кофе с виски и заказывал его каждый последующий день. Он никогда не оставлял чаевые. Да, у богатых такое явление не редкость – считать каждую свою копейку, и тот факт, что он попал в эту кофейню, мог показаться удивительным стороннему наблюдателю. В таких костюмах не привыкли заходить в такую дыру. Но проблема была в том, что он, как и я, приходил в это место с конкретной целью. И однажды вечером, перед самым закрытием, он достал из кармана пистолет и направился к тому человеку, нет – к тому существу, которое я до самых низов своей души ненавидел.

Я встал со стула и направился к нему.

– Не нужно, отец. Не сейчас, – сказал я мягко и тихо, чтобы никто не услышал.

А затем взял из дрожащих рук этот тяжелый предмет.

– Не сейчас, – повторил я ему, когда присаживал большого человека на стул, тем временем вкладывая пистолет обратно в его же карман. – Я сделаю это сам. Я тебе клянусь, отец, что сотру его с лица земли и закопаю в соседнем парке. Ты же знаешь, там выгуливают овчарок, у них хороший нюх, и о его смерти услышит весь город.

Он махнул мне рукой, чтобы я немедленно уходил и оставил его в покое. Тем временем я заметил, что убийца ушел. Только стакан с водой и десять долларов на чай. Щедрость – это величие души. Не так ли, Париж? Я присел на его стул, чтобы еще раз почувствовать его запах. У овчарок хороший нюх…

* * *

Настоящего нет. Если бы я знал, что мое настоящее станет со временем прошлым, то смаковал бы каждую минуту, проведенную с тобой. У нас было много минут, много часов. Дней – меньше. Мы настолько с тобой стали близки, что разучились разгадывать друг друга тайны. Вникать в секреты души, с интересом любоваться повадками, которые другим казались странными, неестественными. Мы с тобой уникальны, ты и я, я и ты. Мы воспитаны разными людьми, и кровь у нас разная, но в какой-то момент мы с тобой стали, как близнецы. Мы успели заразиться друг другом и переняли один у другого не

самые лучшие черты. Это ошибка. Вдох…

Я не знаю тебя, и жизни бы не хватило, чтобы тебя познать. Самое большое человеческое заблуждение – это поверхностная любовь. Какая глупость вторгаться в тело, не познавая его души.

Я бы многое отдал, вот только мне нечего больше отдать. Я бы отдал свою жизнь, это единственное, что у меня осталось. Моя жизнь стоит один патрон. И я бы отдал его за то, чтобы еще раз прикоснуться к телу и достать до твоей глубины.

Шедевр… Мой шедевр… Губы, сотканные из лепестков розы… Глаза бездонного цвета. Я падаю на самое дно, Донна моя. Я растворяюсь во тьме этой комнаты, исчезаю. Я возрождаюсь под пронзительным взглядом картин. Моих работ. Ты повсюду. Все стены оббиты тобой, все окна выходят к тем местам, где хранятся мои воспоминания о тебе, к тем знакомым, забытым чертам, которые я пытался выжечь из своего больного сердца. Я не испытываю боли, когда болеет оно, боль испытывает меня. Изнутри. И снаружи. Лиана…

Кричишь во все горло. Ли-а-на. Просыпаешься ночью, на мгновенье вырвавшись из своего кошмара. Ли-а… Накрываешь одеялом лицо. Дышать тяжело, а разве мы дышим? Я больше никогда не назову твоего имени. Клянусь тобой!

Ты есть везде, куда смотрят мои глаза. Я теперь боюсь их закрыть, ведь там, где заканчивается этот мир, тебя еще больше. Сколько ему заплатили за то, чтобы искалечить мою жизнь?

– Разве с каждым днем мусора становится все меньше? – спросил я вчера у дворника.

– Да, но только не на этой улице…

Мусор – вот, что для него значит человеческая жизнь. Ты имеешь деньги, Париж, но что у тебя за душой? Ты нищий, и дело не в твоей старой, безвкусной одежде. Ты нищий, так как не знаешь цены тому, что ломаешь. Ты никогда не любил. Ты

никогда не жалел. Ты никогда не прощал. Я называю тебя нищим, так как у меня язык не поворачивается назвать тебя человеком. Тебе чувства чужды, ты не способен на эмоции. Ты не имеешь права на жизнь. Ты мертвый, Париж, и все, к чему ты прикасаешься, обрекаешь тем на смерть.

Я тебя ненавижу как палача, как убийцу, как душегуба, как чуму. Как проклятие, нависшее над этим городом, над моим небом. Но, в то же время, ты полная моя противоположность, и я раньше всегда восхищался такими нищими, как ты. Быть может, со временем я обрел богатство, о котором не знает никто? Я восхищался тобой, Париж. Человек без лица и эмоций. Это маска, я знаю, и однажды я ее сорву.

Ты не знаешь цены. Я назову твою цену. Один патрон. Столько теперь весит и твоя жизнь. В какой-то степени наши жизни весят одинаково. Один выстрел – это расстояние, на котором мы теперь с тобой живем. Мы оба не боимся ледяного дула, приставленного к затылку. Мы оба не вздрогнем, нажав на курок. Мы оба увидим последние глаза в нашей жизни. Глаза друг друга. Мы теперь завязаны узлом.

Тайна. Моя Тайна. Безымянная женщина, которую я никогда не носил на своем безымянном пальце. Ржавый гвоздь, вбитый в солнечное сплетение. Мое удушье… Мы перестали дышать.

* * *

Одним дождливым утром, когда капли громко стучали в окно, в которое я все это время смотрел, но не видел, дверь кофейни открылась. Я был уверен, что это Он – человек в перчатках. Спустя несколько секунд я услышал стук каблуков. Женщина села в двух шагах от меня, за тем столиком, что стоял сзади. В этом месте свободен весь зал, почему вы сели рядом? Человек тянется к человеку. Толпа к толпе. Нет. Я одиночка и мне нужно побыть наедине.

– Что вы будете заказывать? – послышался знакомый голос официанта.

– Бутылку дорогого коньяка. Сдачи не надо.

– Празднуете что-то? – спросил радостным тоном неуместный человек.

«Кто вас учил манерам?» – подумал я.

– Развод, – отрезала женщина.

Официант по ее интонации понял, что у него слишком длинный нос. Больше он ее не тревожил. Через несколько минут он принес бутылку коньяка и стакан, а затем молча удалился.

Я видел ее размытый силуэт в отражении стекла. Она не плакала, она не смеялась, она совсем не была в этом месте. Подносила стакан к губам и смотрела мне в спину. Через два месяца я назову эту женщину Розой…

Была ли она красивой? Я не видел, точнее, я не смотрел. Мне не важно было, как она выглядит. Разве имеет значение ее лицо? Может быть, но только не для меня. В ее глазах нет того мира, который я так пытался найти. На ее губах нет тех слов, которые я бы так хотел услышать. В ее руках нет моей жизни, и неважно, сколько в них красоты.

Бутылка давно уже была пуста. Женщина к тому времени склонила голову набок, подпирая ее рукой. Она что-то говорила про себя, пошатываясь на стуле. Я пытался расслышать.

– Пошел вон… Во-оон. Я сказа-ала… Исче-езни… – доносилось что-то в этом роде. Больше я не мог разобрать ни слова.

Я встал, задвинул стул и положил доллар на чай. Обернулся и пристально посмотрел ей в глаза. Нет, не те, я их не узнаю. Она не смотрела на меня, а только в то место, где я сидел минутой ранее. Видимо, я ей загораживал вид из окна. Вам нужна помощь, леди. Хотя бы подняться со стула, сами вы этого не сделаете, я знаю ваше состояние. Вам нужна помощь. А какое мне до этого дело? Я сдвинулся с места и прошел мимо нее, пусть ее поднимет кто-то другой, не привык я касаться чужих женщин. Отец сидел на своем месте и читал прессу, я прошел мимо него, как призрак, он меня не заметил. Нет, скорее сделал вид, что не заметил. Парижа в зале не было.

На следующий день я вновь услышал стук каблуков позади меня. Что вам здесь нужно? Разве мало кофеен в этом городе, чтобы выбрать именно эту, чтобы сесть в нескольких шагах от меня? Она мне мешала думать, она мне мешала сидеть, эта женщина украла у меня часть моего пространства. Я был огражден здесь от мира, от людей, которых я не хотел ни видеть, ни слышать. Это было мое место. Моя тюрьма.

– Рад вас видеть, – без особого энтузиазма произнес официант. – Вам повторить?

– Нет, – она провела ладонью по лбу. По всей видимости, у нее сейчас болит голова, я бы даже сказал – невыносимо болит.

Женщина на него посмотрела так, словно видит первый раз в жизни.

– Мне один латте. Пока все. Спасибо.

Человек в дешевом костюме удалился.

Надеюсь, распробовав кофе, она больше никогда сюда не зайдет. Не хочу больше ее видеть в отражении стекла. В тот момент я мысленно находился в парке…

Было начало июля, того самого июля. Моя жизнь бесконечна, возможно, потому, что я никогда не следил за временем. Они стареют. Люди… Молодые душой. Я молод и телом. Мне казалось в двадцать, что я прожил большую часть своей жизни, я был убежден, что знаю все. Мир не был для меня тайной, загадкой или закрытой книгой, которую мне хотелось открыть. Посмотреть одним глазом. Нет. Никогда. Мой мир – это я. А себя я знаю, соответственно, я познал и мир.

Я сидел на скамейке у фонтана, куда дети вели своих матерей. Они мочили руки и ноги, сидя на той бетонной плите. Смеялись. Для них обыкновенная струя воды была чем-то исключительным, чудесным. Даже взрослые умывались и подкатывали брюки, чтобы опустить ноги в фонтан. Знаете, как африканские племена, для которых вода была дороже кусков золота, и если бы дикари увидели этот фонтан, то все выглядело бы именно так. Не иначе. Улыбаюсь. Может быть, это со мной что-то не так?

Я встал и двинулся в неизвестном направлении. Мне не важно было, куда идти, у меня не было конкретной цели. Я гулял и рассматривал зеленые сады. Вчера я закончил читать одну интересную книгу, мне нравится заварить себе крепкий чай, сесть на подоконник и погрузиться в другую реальность. Это для меня наслаждение – выходить из своей комнаты, следуя зову автора, наблюдать за интересными людьми. Как жаль, что в моем мире нет интересных людей. Самое приятное чувство – это когда ты на время откладываешь в сторону книгу и смотришь в окно. Ты придумываешь себе продолжение этой истории, телом сидишь на подоконнике, а душой еще там. Книга – это окно в другой мир. И пусть я конченый самоубийца, но я обожаю прыгать из окон.

У меня есть личная библиотека, да, это громко сказано. Точнее, у меня есть место, которое я называю своей библиотекой. Это место находится на полу, у окна. Три стопки книг, блокноты, исписанные высказываниями, которые запали мне в душу. Один карандаш, было бы неплохо его подточить. Это теплое место, там, у окна стоит батарея. Собственно, так я живу.

Зачем мне нужны люди, когда есть книги?

Я уже собирался уходить из парка, когда увидел одну любопытную картину. Девушка шла мне навстречу. Нет, не так. Она, как инвалид, получивший боевое ранение в ногу, хромала навстречу ветру. У нее, по всей видимости, был сломан каблук, а иначе я бы не смог объяснить эту изящную, живописную походку. Она была красивой, я бы даже сказал – очень, такие, как она, умеют ходить на каблуках.

– В этом мире нет настоящих мужчин? Закончились? – сказала она громко, чтобы слышали все. А затем добавила:

– Видимо, сегодня не мой день.

Я прошел мимо нее и боковым зрением посмотрел на ее профиль. В ней что-то было. Я не могу объяснить – что. Я словно уже встречал ее раньше, в другом месте, при других обстоятельствах. Неведомая сила заставила меня остановиться. Что я делаю? Зачем мне это? Я развернулся и пошел вслед за ней. Я обошел ее сбоку и встал напротив нее. Она посмотрела мне в глаза. Это они, эти глаза… Девушка стояла в недоумении. Я приблизился к ней и, не сказав ни слова, обхватил левой рукой ее спину, нагнулся. А правой поднял ее ноги. Она

лежала в моих руках, молодая особа со вкусным парфюмом. Вишневый, вроде бы. Не важно. Я развернулся и направился в сторону дома. Сделал шаг. Еще один. Она молчала и только рассматривала мое лицо. Было ли мне тяжело? Было. Но я шел. Твердой походкой, не глядя под ноги, я знал свое направление.

– Тебе стоит поменять футболку и принять душ, – ее воздух коснулся моей щеки. Как романтично.

– А тебе не мешало бы сбросить несколько лишних килограммов, – не растерялся я.

Она сдержанно засмеялась.

– Спорт еще никому не вредил.

Значит, это я – слабак, а не ты тяжелая? Ну-ну. Про себя улыбнулся.

– Куда мы идем? – после длительной паузы спросила она.

– А это имеет значение?

– Никакого, – не раздумывая, ответила она.

Этим она мне и понравилась. В ней было что-то такое, что было во мне. Но пока я не мог объяснить, что именно. Я еще мало эту девушку знал.

– Меня зовут Ли…

Черт, я поклялся не произносить ее имени. Ты безымянная, Донна. И я безымянный…

Я открыл глаза и очнулся снова в этой кофейне. Я посмотрел на стекло – той женщины не было, сидевшей позади меня, потерпевшей развод. Только пустой стул и чашка недопитого кофе. Я оказался прав. Вы больше сюда не вернетесь. И на том спасибо.

Я, тем временем, собрался и по знакомой дороге вернулся домой. В свой склеп, свою могилу, в музей дышащих картин. Я рисовал ее ночью, когда безумие брало надо мной верх, когда я был опьянен идеей оживить то, что убито. То, что растоптано. То, что мое. Я писал ее каждую ночь, писал и во сне, если спал. Я не ел, я не пил, я не жил. Я пытался создать человека живого из памяти, из образов, из разбитых зеркал. Я пытался вдохнуть воздух в легкие утопленнику, я целовал мертвые губы. Кто я? За что мне это? Я сходил с ума каждую ночь. А поутру просыпался человеком.

* * *

На следующий день я вновь встретил убийцу. Париж сидел за своим столиком, внимательно изучая фотографии. Я не знаю, что на них было или кто, но я всем своим нутром чувствовал, что на одного человека в этом мире станет меньше. Я прошел мимо него. Он смотрел в мою спину, я это чувствовал всем телом, его ледяной взгляд, подобно кинжалу, притрагивался к моей спине. Он был, словно палач, который исполнял объявленный приговор, но это не было его оправданием. Наемный убийца, киллер, бездушная тварь. Бесчеловечное существо, которое отняло у меня все. Еще не пришло твое время. Живи! Если жизнью можно назвать твое существование…

Меня схватили за руку, это была рука отца, твердая рука, цепкая хватка. Я его называю отцом, потому что так его называла Она.

– Чего ты ждешь? – процедил сквозь зубы он.

Я привык к приступам неконтролируемой агрессии с его стороны, я на него не сердился. Напротив, со временем я к этому начал относиться с пониманием. Побывав в его коже. Узнав, что такое – потерять свою дочь…

– Еще не пришло его время. Не бойся, я выучил каждый его шаг. Ему не скрыться от меня, да он и не думает об этом. Не от моей пули умрет, так от твоей или твоих людей. Он это прекрасно знает. Ты сам-то знаешь, каково это – быть обреченным на смерть? Это как жить с раковой опухолью. В данном случае, опухоль – это я.

Отец разжал кулак, я встряхнул руку и присел на свободный стул, стоявший напротив него. Он смотрел в мои глаза своим тяжелым, пронзительным взглядом. В этих глазах не было жизненного огня, только жажда мести. Я видел такие глаза в зеркале.

– Что-то должно произойти. Я не могу объяснить – что, но я это знаю. Что-то такое, чего бы не могло в этом мире случиться. Мое сердце подсказывает мне, что нужно ждать. Я с недавних пор начал прислушиваться к своему сердцу. И тебе советую, отец.

Он хотел было сорваться на меня, но расслабил лицо и выдохнул. Не произнес ни слова.

– Я ждал девять долгих месяцев. Подожду еще.

Я встал со стула и хотел было направиться в конец зала, на свое место, как услышал его голос.

– Если тебя обмануло сердце…

Он не договорил. «Я знаю», – мысленно ответил ему и ушел.

Я снова смотрел не в окно, а в себя.

Убить – это слишком легко. Вот он – сидит в одном зале со мной. Достать револьвер из внутреннего кармана пальто, подойти к нему ближе и выстрелить. Нет, слишком легко. Убить его – это значит лишить себя цели в жизни. Я умру вместе с ним. Мне еще рано умирать, нет, дело не в моей молодости, мне плевать, что со мной произойдет. Я давно не принадлежу себе. Дело в том, что еще не пришло мое время. Мои часы пока еще идут…

Я возненавидел этот стук. Тук-тук-тук. Она снова вернулась. Больше всего на свете в эту минуту мне не хотелось слышать этих шагов. Что вы забыли здесь или кого?

– Что будете заказывать сегодня? – этот проходимец в костюме снова дал о себе знать.

– Латте. Как и вчера.

– Понял вас.

Я встал и хотел попросить ее отсесть от меня метров так на тридцать, а лучше на пятьдесят. Моей радости не было бы предела, если бы она соизволила убраться в другое кафе.

– «Прощай! Тебя удерживать не смею. Я дорого ценю любовь твою. Мне не по средствам то, чем я владею, и я залог покорно отдаю».

Она вслух зачитала это четверостишие. Я присел обратно. Это был Шекспир. Я много читал Шекспира и сейчас смаковал каждое ее слово. Я выпивал этот высококачественный напиток залпом.

– «Уж если ты разлюбишь – так теперь. Теперь, когда весь мир со мной в раздоре. Будь самой горькой из моих потерь, но только не последней каплей горя!»

Господи, она будто бы читает мне. Обо мне. Еще, пожалуйста. Продолжайте! Как долго я не чувствовал своей души. Как же долго ее никто не касался.

– «Оставь меня, но не в последний миг, когда от мелких бед я ослабею. Оставь сейчас, чтоб сразу я постиг, что это горе всех невзгод больнее».

У нее очень приятный голос. Я благодарен вам за эти чудесные сонеты. Снова навеяло грусть. Но вы в этом не виноваты. Меня ранят не ваши губы, а другие, которые подарили миру эти слова – автора. Мне вдруг захотелось срочно перечитать Шекспира, к сожалению, дома у меня нет его сонетов. В последний раз я брал их в библиотеке. Нужно сегодня зайти в книжный и купить, пусть обязательно будут, хотелось бы их перечитать заново.

Больше она не читала. Отложила книгу в сторону и пила кофе, время от времени поглядывая на часы. Кого вы ждете?

* * *

Время шло, никто не приходил. Честно признаться, если бы кто-то пришел и подсел за ее столик, то я бы без лишних церемоний встал и прогнал их из этой кофейни. С сумасшедшими лучше не спорить. Я бы не смог вынести еще и эти перешептывания друг с другом у меня над ухом. Разве люди не могут найти более уединенного места?

В мою голову снова вторглась Она…

Я и раньше знал, что такое одиночество. Но прочувствовал его впервые с тобой. Я никогда не считал себя одиноким, ведь одиночество – это в первую очередь тоска по кому-то, а уже потом – тоска по себе прежнему. Я никогда не испытывал тоски. Я никогда не был привязан к кому-то. Не был предан кем-то. И честно признаться, я был девственным душой. Одинокие люди – это те, которые проживают свою жизнь одни. Нет! Одинокие – это люди, которые проживают свою жизнь без кого-то.

Я одинок, мое Сердце. Я несчастен, Грусть, спрятанная в чужих стихах.

Я, как и обещал себе, купил сборник сонетов Шекспира. Этот вечер я провел с ним. Эта книга мне была нужна, она была той самой отдушиной, которой мне так не хватало все это время. Передо мной исповедовался человек необыкновенной души. Я его слушал, вникая в каждое слово. Некоторые строки прожигали пламенем грудь, а затем живот. Огонь придумали поэты. Кто создал огонь – тот обречен быть бессмертным.

Она смотрела на меня, когда я читал, я заметил ее взгляд боковым зрением. Та Женщина, которая жила в этих портретах. Та Строчка Шекспира, которая нашла в душе моей отклик. Она проникала в меня своими глазами, глаза – это душа, я убежден. Она зовет меня. Она хочет меня. Она владеет мной…

Когда я переступил порог кофейни, то заметил, что незнакомка в этот день пришла раньше меня. Впервые за эти несколько дней я заглянул в ее лицо с любопытством. Она старше меня минимум года на три, а может, и на пять. Круги

под глазами, усталые глаза кофейного цвета, обветренные губы. И вся она какая-то слегка помятая. Подавленная… Первая мысль при взгляде на нее – она выглядит старше своих лет. Может быть, она больна? Не знаю такой болезни, кроме алкоголизма и несчастной любви, которая могла бы с ней такое сделать. Но, с другой стороны, эта женщина не выглядела пострадавшей от неразделенных чувств. Слишком много понимания было в ее стеклянных глазах.

На столике возле нее лежала книга сонетов, а рядом стояла чашка кофе. Почему вы не идете к себе домой? У вас есть дом? Судя по вашему платью – есть. Это не ваше место, леди, возвращайтесь немедленно домой. Здесь вам делать нечего. Вы слишком живая для этого места.

Я обошел ее и сел за свой столик. Вам нужно умыться, принять горячую ванну, привести себя в должный вид. Ваши проблемы смываются водой. Это всего лишь пыль на вашем лице. Сегодня вы выглядите на тридцать, а следуя моему совету, завтра вы войдете двадцатилетней. Вам не следует себя убивать. Поверьте, всегда найдется тот, кто это сделает за вас.

Париж вышел из кофейни. Как символично! Вы даже не догадываетесь, что настоящий убийца сидел в десятке метров от вас. Но вам ничего не грозит, не беспокойтесь, вряд ли вы кому-то мешаете жить, кроме меня, разумеется.

И снова я дал слабину…

Я внес в квартиру Ее на руках, ту девушку со сломанным каблуком. Положил ее на кровать в гостиной, а сам тем временем пошел в обувной, находившийся на углу этого дома, чтобы купить ей такие же туфли, как те, что были на ней. К моему удивлению, они были в цене, я даже не мог предположить, что женские туфли могут столько стоить. Тем не менее, я их купил и поставил у входной двери. Если захочешь уйти – я тебя удерживать не стану. И мне хотелось, чтобы она это знала.

Мне не нравилось, что она брала в руки мои книги, перекладывала мои закладки и просто вторгалась в мой мир. Мне казалось, что она может все обо мне узнать, прочитав мои книги. Этого мне не хотелось. Признаюсь, она мне понравилась, ведь в ней было что-то до боли знакомое, перечитанное ранее, пересмотренное десятки раз. Я наслаждался ее присутствием, но никак не показывал этого. Я не

мог допустить того, чтобы она узнала о моих чувствах. Это бы сделало меня уязвимым. Беззащитным. И пока на моем лице равнодушие – мне нечего бояться… Нечего стыдиться. Да. Я боялся быть отвергнутым. Непонятым. Смешным и жалким в этих красивых, таинственных глазах. Я смотрел на занавес, за которым скрывалось что-то прекрасное, что-то столь сильно желанное, что мне хотелось подойти и этот занавес сорвать. Я мысленно представил, как подошел к ней сзади и коснулся ее волос, легонько коснулся, подобно ветру, чтобы она не почувствовала, не узнала, не разгадала меня. Я отступил на шаг и смотрел на нее со стороны. Донна перелистывала мои книги, брала мои фотографии на полках, держала в руках, рассматривала и ставила их обратно на место. Она сидела на моем подоконнике и листала загнутые мною страницы. Она примеряла на себя мою кожу…

Шорох. И она повернулась в мою сторону, с любопытством заглянула в мои глаза.

Я снова очутился в кофейне, за своим столиком. Пора уходить, хочу подышать воздухом, мне так не хватает его. Я посмотрел на стекло. Моя соседка собирала свои вещи, я подождал, пока она покинет зал, а затем встал. Мне не хотелось, чтобы она меня видела, чтобы она смотрела в мое лицо. Не знаю, почему, но в последнее время я избегаю взглядов чужих людей. Может быть, я их боюсь? Или я боюсь того, что самый случайный человек может оказаться в моей жизни совсем не случайно. Я верю в судьбу, но боюсь ее принимать. Мне больше никого не хотелось знать, никого. Мое тело было заковано цепями, десятками замков, ключи от которых я давно потерял. Я боюсь до самых костей приближения, столкновения, любого человеческого движения в мою сторону. Чужие пальцы – для меня лезвие. Чужие взгляды будто бы заглядывают мне в душу. Не смотрите на меня, люди, не трогайте, оставьте меня в покое!

Впереди шла она, та незнакомка из-за соседнего столика, я узнал ее пальто. Женщина, осилившая бутылку коньяка в полном одиночестве, была невысокого роста даже на каблуках. Смею предположить, метр шестьдесят пять без них. Она шла твердой походкой, уверенным шагом. Возможно, она куда-то спешила. Хочу думать, что вас кто-то ждет и вы кому-то нужны. Я обогнал ее и оставил позади себя. До встречи!

Я проснулся среди ночи в холодном поту. Я искал спрятанную пачку сигарет, уже полтора года я не вдыхал в свои легкие ту едкую, желанную тягу дыма. Единственную тягу, мне казалось, что одной мне хватило бы, чтобы забыться на время от всех земных бед. Я не помнил, куда спрятал пачку, но точно помнил, что она была в этой комнате. Я сходил в душ, оделся теплее и вышел на улицу. Мне больше моей никчемной жизни нужна была эта сигарета.

Магазин с табаком на углу моего дома был открыт круглосуточно. Я поднял голову вверх, стоя посреди безлюдной улицы, посмотрел на свое окно. Там горел свет. Странно, мне казалось, что я его выключил. Ничего, такое со мной часто случается.

Не успел я дойти до угла, как из-за него вышла женщина. Это был знакомый мне человек, я ее узнал по пальто, но не по походке. Что-то странное с ней происходило в этот момент – она вся дрожала, пошатываясь из стороны в сторону. Что с вами? Я остановился и прижался к дому, спрятавшись в тени, чтобы она меня не заметила, а когда она прошла мимо меня, то последовал за ней. Конечно же, я забыл о том, зачем сюда пришел. Я шел за ней несколько сотен ярдов, прежде чем мы приблизились к тому дому, куда она так торопилась попасть. Я шел тихо, чтобы она не услышала моих шагов. Это был соседний дом, через один стоял мой. Я поднялся осторожно по лестнице, рассматривая ее спину. На третьем этаже я остановился. Женщина к тому времени поднялась на четвертый и принялась искать свои ключи. Послышался скрип двери, дверь отворилась, но я не слышал, как ее закрывали. Я подождал минуту. Две. Пять. Снова захотелось курить, и я подумал было уйти. Но дверь все это время оставалась распахнутой. Я на цыпочках поднялся на ее этаж и притаился. Стал прислушиваться. Что вы делаете среди ночи в этом районе одна? Здесь прогуливаться даже среди белого дня опасно. Вы снова пьяны? Еще минут пять прошло. Я не услышал ни звука, ни шороха. Что с вами? Вам стало плохо за дверью? Мне нужно было убедиться, что с ней все в порядке, и я вошел без стука и приглашения. Это была большая, просторная квартира. Красивая современная мебель, обои бежевого цвета. Я задержался на пороге, чтобы снять свою обувь, а затем тихо прикрыл за собой дверь. Ключи остались в замке снаружи. Я босиком направился в кухню, там никого не было. Я только краем глаза заметил джезву для кофе на кухонной плите, рядом стоял чайник. Затем я развернулся и вошел в первую приоткрытую дверь. Это была спальня, большая кровать, аккуратно заправленное снежное белье. Рядом находилась тумбочка, а на ней стояла фотография этой женщины. Да, могу теперь точно сказать – это была ее квартира. Я сделал еще два шага и увидел… Господи… Я не произнес ни слова, но в уме прокричал их с десяток. Я находился в оцепенении, мне еще никогда не

приходилось видеть подобного. Она сидела, опершись спиной о стену, на холодном полу. Глаза смотрели в одну точку, и на мгновение я подумал, что она мертва. Но… Игла в левой руке. Внутренний изгиб локтя был обколот. Синяя кожа, красные точки. Туман… Она была наркоманкой, как же я сразу… Я осторожно приблизился к ней и посмотрел в ее глаза, точнее, зрачки, они были расширены до невозможности. Я приложил ладонь к ее теплому запястью. Пульс есть. Но она не дышит. Женщина не видела меня, хоть и смотрела в одну точку у меня на лбу. Я встал и отошел в сторону, она по-прежнему смотрела перед собой.

Я присел возле нее. Если вам суждено умереть сегодня, то не будем испытывать судьбу. Я в нее верю. Я не притронусь к вам, я больше никому не помогу. Никогда! Клянусь! Да, избавиться от вас теперь стало легко. Стоит только позвонить и вызвать врача. Люди в белых халатах не задают лишних вопросов, они сразу увозят, и ваш дом станет гораздо меньше этой квартиры. Гораздо белее. И больше мы никогда не увидимся. Не закажете свой горький латте, и не спрятаться вам больше за своими сонетами. Я не знаю, кто вы, и не хочу этого знать. Но вы никогда больше не зайдете в мою кофейню.

Я медленно поднялся с пола, наклонился к ней и посмотрел еще раз. Ничто в этом мире не стоит вашей жизни, слышите? Да, собственно, она ничего и не стоит. Ваша жизнь! Я долго не решался этого сделать, но, в конечном итоге, присел боком к ней и взял на руки. Привстал. Господи, зачем я это делаю? Я только положу ее на кровать и укрою. Если ей и суждено сегодня умереть, то пусть лучше в теплой постели, чем на холодном полу. На этом все! Я не трогал руками шприц, а только отбросил его ногой под кровать. Затем вернулся на кухню и заварил себе кофе. Вы позволите? Да вам и нет до меня никакого дела сейчас. Вы не знаете обо мне ничего и никогда не узнаете… Сколько она провела в таком состоянии? Час? Два? Три? Не знаю, я допил свой кофе, помыл за собой чашку и поставил ее обратно на место, в верхний шкаф. Закрыл дверцу. Затем направился к входной двери. Обулся на пороге и приоткрыл медленно дверь, чтобы достать из замка ключ. Я оставил его на полу, чтобы ни у кого не было искушения среди ночи без стука войти. Осмотрел еще раз прихожую и тихо закрыл за собой дверь. Меня не было здесь. До встречи, если проснетесь!

А она проснулась… Дверь кофейни открылась, и до меня донеслись ее шаги. Я внимательно всматривался в отражение, мне хотелось взглянуть в ее глаза. Незнакомка снова спряталась за своими сонетами, теперь я заметил, что она

выбирает платья с длинным рукавом. Признаюсь, на короткое время я смог отвлечься и выбраться из своего душевного ада. Но это ненадолго.

От вчерашнего трупа и след простыл. Позади меня сидел живой и абсолютно здоровый человек. Юная девушка, какие милые черты лица. Улыбчивая, эта загадочная улыбка могла бы свести кого угодно с ума. Она была свежа, полна сил и энергии. Теперь я не дал бы ей и двадцати трех.

– Чудесно выглядите, – заметил официант.

– Благодарю, – ответила она достойно.

– Один латте, как всегда?

– Как всегда.

По ее ответу я понял, что у этого места появился еще один постоялец.

* * *

Мне иногда хотелось самому подойти к официанту и заговорить с ним первым. Например, ко мне только что пришла мысль, что если бы эта проклятая кофейня заговорила, то она произнесла бы: «Бегите!». И я хотел с ним этим наблюдением поделиться.

«– А вы не хотели бы вызвать священника?

Он на меня с пониманием посмотрел бы, словно прочитав мои мысли.

– Для того, чтобы вас отсюда изгнать?

– Нет, хотя бы для того, чтобы окропить эти стены святой водой. Ну, или обыкновенной водой из-под крана. Они грязные. Вы разве не видите?»

Как хорошо, что у меня есть такой собеседник, как я. Улыбнулся. Я много раз мысленно проигрывал диалоги, которые имели бы место быть. Но почему-то

всякий раз, когда я подхожу к этому бедному человеку с подносом, у меня получается выдавить из себя какую-то дурацкую ухмылку, словно я смотрю на него свысока и насмехаюсь над ним во время его отсутствия. Сам не знаю, почему так происходит, но с недавних пор он начал обходить меня стороной.

Я, как и любой другой человек, не обделен чувством юмора. Но в последний год я забыл об этом…

Моя дочь умерла, когда ей было всего лишь три минуты. Моя жена умерла спустя три месяца… Ее убили. Пуля седьмого калибра. Такая же, как была в моем револьвере. Ее застрелили моим собственным оружием. В моей квартире. Убийца спланировал все. Он знал, что я не в состоянии был ее защитить, он воспользовался моментом, когда я был в бреду. В моей руке нашли тот самый револьвер, из которого Она была убита выстрелом в голову. Париж подставил меня, а сам к тому времени скрылся. Меня бросили в вонючую камеру, я был уверен, что там же и сгнию. Спустя несколько суток без солнца меня оттуда вытащили. Моим спасителем был ее отец, он прекрасно знал, в каком состоянии меня нашли, и что я не мог этого сделать. Этот человек видел меня насквозь, лишь потому я до сих пор сижу здесь, в этом зале, и пишу свою книгу. Мне есть о чем рассказать, и если со мной что-то случится, то мои записи попадут в нужные руки. Я в этом не сомневаюсь.

Не отказывайся от меня, лучше сразу убей. Возьми в руки нож и вонзи его мне прямо под ребра. Не уноси с собой мои слова, те буквы, которые имели когда-то вес. Это мои слова, не твои. Это мои чувства, не тронь их. Отними у меня все, ты в силах унести с собой этот город, целое небо забери у меня над головой. В аду не бывает дождей, мне незачем больше небо. Унося с собой это мгновенье, ты унесешь с собой Рай. Упади! Ведь бесы – это бывшие ангелы… И если любовь – это рай или ад, то мне не нужно ни того, ни другого. Я хочу поселиться там, где не бывает любви. Я не хочу пить вино, если от него умирают.

Она сбежала от меня. Ей казалось, что есть такое место, где она могла бы найти себя прежнюю. Той же ночью ее убили…

* * *

– У вас здесь курят? – спросила моя знакомая у официанта. Теперь, после того, как я вошел на порог ее жизни прошлой ночью, я не мог больше называть ее незнакомкой.

– Да, одну секунду, – он удалился в конец зала, затем вернулся и поставил на стол пепельницу.

– Спасибо.

Трудно было сказать – работал ли он на ее чаевые лицом или же его улыбка была столь искренней, но порой могло показаться, что он в нее влюблен.

И вправду ли она так хороша, как он о ней думает? Я видел, как вы были хороши вчерашней ночью. Играет, блестяще играет на публику… Я не могу найти в вашей жизни хоть что-то, чем можно было бы оправдать то, что вы с собой делаете. Вам нет оправданий. Вы не жертва, леди, вы – зверь. Вы губите то, что вам не принадлежит. Это я о вашей жизни.

– Кх-кх, – откашлялась она после первой же затяжки дыма. Так вы еще и дилетант. Господь всемилостивый, зачем вам нужна сигарета? К образу? Да, к нему. Образ – это в первую очередь то, что не приносит никакой радости себе, а только окружающим. Вы актриса. Вам нужны зрители. Хорошие актрисы знают, что мужчинам больше нравится, когда от женщины пахнет не сигаретой, а хорошим парфюмом с примесью молока. Табак убивает молочный запах, да и кожу старит. Посмотрите на мое лицо, как вы думаете – сколько мне лет? Нет, не смотрите. Я даже представить себе не могу, что сделает с вашим лицом героин.

– Кх-кх-кх, – она снова закашляла. И вправду, лучше курите.

Меня вдруг охватила злость. Ни с того, ни с сего. На пустом месте. Мне внезапно захотелось к ней подойти, схватить ту пачку сигарет, что лежала у нее на столе, и смять в руке с нечеловеческой силой.

– Черт бы вас побрал, что вы с собой делаете?

Я выхватил горящую сигарету из ее руки и потушил в пепельнице.

– Зачем вы ищете смерть? Зачем себя отравляете? Посмотрите на себя в зеркало: на свои губы, на свое лицо, загляните в глаза. Вы прекрасны. ПРЕКРАСНЫ! И ни один мужчина на этом свете не устоял бы от соблазна познакомиться с вами. Зачем вы отнимаете у себя то, что досталось вам даром. Ни за что! Перестаньте себя убивать. Перестаньте играть для кого-то. Живите для самой себя, наслаждайтесь каждым мгновением, хоть каплей дождя на руке. Комплиментом от незнакомого человека. Я вижу! Вы не готовы еще пока впустить кого-то в свое сердце, оно ранено, не мне вам говорить о боли. Но не заглушайте эту боль случайными, пустыми людьми. Постельных тонов. Лучшие любовники для вас сейчас – это книга и сон.

Это был еще один несостоявшийся диалог, который исчез внутри меня, где исчезали и другие диалоги. Я к ней не подошел, не сказал этих слов. Но я себя не винил за это. Вы и сами однажды к этому придете!

– Вам не идет сигарета…

Единственное, что я произнес. Я не обращался именно к ней, это было больше к себе.

– Правда?

Послышалось у меня за спиной.

– Повернитесь ко мне лицом. Я бы хотела посмотреть, что не идет вам.

На этом все. И весь наш разговор. Я ничего не ответил, да она, по всей видимости, ничего и не ждала. За все эти два месяца мы не сказали больше друг другу ни слова.

Почему я назвал эту женщину Розой? Не знаю… Это имя подходило ей так естественно, что я даже забыл, почему именно выбрал его… Впрочем, я лгу себе. Наша красная роза в цветочном горшке, что мы поливали вместе, а позже – я один. К сожалению, в моей квартире вянут цветы… Возможно, я увидел в этой женщине свою дочь, только уже взрослую. Ведь любая взрослая женщина – это по-прежнему чья-то дочь. Я не увижу, как растет мое дитя, но я увидел, как

распоряжается своей жизнью чужое. Роза не была для меня женщиной в естественном смысле этого слова. Я ее не хотел… Я не испытывал к ней влечения и мимолетной страсти, как это бывает с мужчиной, разглядевшим женщину поближе. Нет, это было другое чувство.

Спустя неделю Роза больше не откашливалась после очередной тяги дыма. Она вошла во вкус.

– «Но, ограничив жизнь своей судьбою, ты сам умрешь, и образ твой – с тобою».

Она ни с того, ни с сего прочитала эту строчку Шекспира. И умолкла.

Почему именно эту? Некоторые слова приходят как никогда вовремя. Они слетают с губ тех людей, которые не знают истинной силы этих слов.

* * *

Еще одна бессонная ночь. Как же я завидую тем людям, которые ложатся спать вечером, а просыпаются утром. Как же я завидую живым. Я теперь понял, почему не чувствую радости, а в последнее время даже горя. Мне пришлось умертвить все свои чувства, чтобы больше никогда не испытывать боли. Той боли, которая не внутри меня. А снаружи. Она везде… Стоит мне только притронуться к чему-либо.

Безымянная моя, сколько я лежу уже в этой постели? У меня отекли ноги и спина. Теперь я знаю, что чувствуют прикованные к кровати больные, я знаю, когда у них начинаются пролежни. Сколько я еще буду закрыт в этом гробу? Сколько времени пройдет, прежде чем я открою свои глаза? Мне не хватает солнечного света, мне до невыносимости хочется вдохнуть глоток свежего воздуха. Там внутри, среди забитых досок и сырой земли под спиной, нет ничего, за что можно было бы зацепиться, ухватиться обеими руками и выбраться наверх. Туда не проникает даже мысль о спасении. Туда не прокрадывается даже надежда.

Снова перед глазами я вижу наши первые дни. «Прекрати! Хватит!» – обращался я к женщине, смотревшей на меня с портрета.

– А я не отравлюсь этим супом?

С кислым лицом посмотрела она в свою тарелку.

– С большей вероятностью ты отравишься воздухом, чем моим супом! – недовольно возразил я.

– Тогда я предпочту воздух! – отодвинула она тарелку на безопасное расстояние от себя.

– Как хочешь, – с испорченным аппетитом произнес я, поднося ложку ко рту.

Она с недоверием наблюдала, как я наслаждался своим творением, смакуя. Это было гениальное блюдо – мой фирменный суп. В руках мастера даже самый обычный суп становится рукотворным шедевром.

– Ну что же, убедил. Попробую!

Она подвинула тарелку к себе. А сама сморщила лицо так, словно съела дольку лимона. Она никак не могла решиться на этот шаг.

– Ну же! – не удержался я. – Либо ешь мой суп, либо ходи голодной. Кстати, здесь на углу есть… – не успел я закончить, как она проглотила содержимое ложки.

– У-у, ну и гадость! Как ты вообще можешь это есть? Он слишком постный, этот твой суп, гастрономическое чудо мировой величины.

Я побелел от ее слов. Да как ты смеешь такое говорить о моем супе. Так! Спокойствие… Это всего лишь куриный бульон.

– Значит, – многообещающе начал я, – ты не будешь есть в моем доме приготовленные мною блюда? Ты отказываешься от моей еды, верно? – с каплей насмешки на лице спросил у нее я.

Она покачала головой. Затем добавила:

– Нет!

– Вот и славно… Вот и славно!

Я поднялся со стула и начал убирать со стола тарелки. Суп из ее тарелки я демонстративно вылил в раковину. Она никак не отреагировала.

«Значит, воздух предпочитаешь. Хорошо! Посмотрим, сколько ты продержишься на своем воздухе».

Я тем временем достал из холодильника мясо, приготовленное в духовке под апельсиновым соусом. Разогрел его, а затем поставил на середину стола. Взял из шкафа приборы на одну персону и приступил к трапезе.

Минуты три она не отводила от меня своего голодного взгляда, в нем было столько надежды, он буквально молил меня, чтобы я предложил разделить это блюдо с бедной, несчастной женщиной. Но я был непоколебим. «Ни за что!»

– Хорошая погода на улице, – пробурчал я с набитым ртом.

И тут она, наконец-таки, сорвалась. Не так уж и крепок оказался орешек.

– Я закажу себе пиццу.

В тот момент я чуть было не поперхнулся.

– Никакой пиццы в моем доме. Никогда! – воскликнул приказным тоном я, вытирая салфеткой рот. – За пределами моей квартиры – пожалуйста! Но только…

Она не дослушала, встала со стула и направилась в прихожую. Я последовал за ней.

– О, – удивилась она. – Ты починил мои туфли?

– Я разве похож на сапожника?

Это был риторический вопрос, он не требовал ответа.

– По правде признаться, немного. Если бы еще только усы… – Она о чем-то задумалась, а затем посмотрела на меня с серьезным видом. – Ты никогда не думал отрастить себе усы?

– Ты сейчас смеешься надо мной?

– Нет, почему же сразу смеюсь. Было бы замечательно, если бы ты умел чинить обувь. У меня как раз дома две пары туфель, которые было бы хорошо отремонтировать. Раз уж у тебя не удался суп, надеюсь, я тебя этим не обидела, но готовить – это явно не твое. То, наверное, у тебя полно других достоинств, о которых я пока еще не знаю. Вот я и подумала…

– Я не сапожник! – разозлился я.

– Это я уже поняла, – как-то разочарованно ответила она, а затем добавила: – У тебя есть знакомый сапожник?

– Я купил эти туфли. Они в точности, как твои. Кстати, я убрал их в шкафчик, – показал рукой на шкаф у двери.

– Как банально, а я думала, что ты меня отнесешь на руках на улицу.

«И зачем я только догнал ее в парке?» – пронеслось у меня в голове.

Она тем вечером все же заказала себе пиццу. А на следующий день наводила в моей квартире свои порядки. И фразу «Чувствуй себя здесь, как у себя дома» я ей не говорил.

Сколько всего с нами произошло… Словно несколько дней у нас было. А если перемотать, как пленку, то всего лишь несколько минут. Я любил тебя. Больше жизни любил. Страсть моя, Ли…

Я подошел к окну и посмотрел на пустые, холодные улицы. Это всего лишь сон, мне нужно проснуться. Если открыть окно и выпрыгнуть вниз, то у меня получится выйти из этого глубокого, страшного сна. Я очнусь в теплой постели без боли в солнечном сплетении, без кома, застрявшего в горле, я проснусь без Нее…

Открыв окно, я набрал в легкие воздуха. Глубокий вдох. Выдох. Нет, я этого не сделаю. Моя жизнь не принадлежит только мне. Я ведь это хотел объяснить Розе, но так и не смог. Нет, пока убийца жив, я не проснусь. Прикрыв окно, я снова лег в постель и закрыл глаза.

Когда двое влюбленных слились друг с другом страстью, бесконечным желанием целовать, касаться нежно другого, и каждым своим касанием ощущать на пальцах ток… Когда двое влюбленных вон лезут из кожи, чтобы сплести свои души во мраке, в этом райском мгновении. Опьяненные, жадно вдыхают шею и волосы, когда срывают свой голос, и… Когда постель хранит запах любви, а любовники хранят друг друга в крепких объятьях… Разве можно это опошлить таким обыденным словом, как «секс»? Ночь – это когда родственные души обнажают друг перед другом свои тайны. Они бросают на пол одежду и любят. Выключив свет, закрывая глаза… Их глаза не видят того, что чувствует тело. А тело – это, прежде всего, инструмент. Его не обманешь. И, как любой инструмент в этом мире, оно издает особую музыку, когда его касается душа.

Июльская ночь. Теплая, бессонная ночь. Открытое окно. Прохладный ветер…

«Более, чем увлеченность, но менее, чем привязанность».

Мы разговаривали с ней до утра.

– У меня и вправду такой отвратительный суп? Или же это было частью игры?

Она улыбнулась.

– Нет, неправда. Он вполне съедобный.

Я удовлетворенно вздохнул, а затем она задала свой вопрос.

– А я и вправду такая тяжелая?

Я несколько секунд подумал над ответом.

– Нет. Мне на самом деле было бы неплохо сходить в спортзал.

Минута молчания.

– Я тебе нравлюсь? – этого вопроса я не ожидал.

Трудно было сказать, нравится ли мне она. Она была обаятельная, и, наверное, попросту невозможно было не поддаться ее природным чарам. Это все равно, что пойти против своей воли. Она была женственная, манерная и игривая, словно кошка. Меня привлекали ее тонкие, нежные пальцы, которыми она играла на моей спине. Я был без ума от нее. Каждое мгновение, проведенное с ней, мне доставляло радость. Я был одурманен ею, словно она – всего лишь яркий, ослепительный сон, который подходит к концу. Я не читал женщин, я читал книги. А героини из книг – они такие ненастоящие, местами сильно переигрывают, они не вызывают той эмоции, какую я испытал рядом с ней. Они совсем не похожи на нее. Как оказалось, влюбиться в женщину – это гораздо приятнее…

Я стыдился своих чувств перед ней. Как стыдятся своих обнаженных тел впервые друг перед другом. Мне казалось, что мои чувства – это тайна, которую должен знать только я. И если ее узнает кто-то еще, увидит меня в таком свете, то я лишусь своей силы, той уверенности в себе, которую мне придавала моя сдержанность. Моя недосказанность. Мой надежный секрет.

Я чувствовал, что могу сделать все ради этой женщины. Даже пойти на преступление, если она меня об этом попросит. Спустя несколько секунд я ответил.

– Я в жизни не встречал таких красивых глаз.

Она продолжила:

– А если встретишь еще…

Я ответил сразу.

– То пройду без оглядки мимо.

– Почему?

– Потому что они не твои.

Я проговорился, сказал, не подумав. Она, наверное, догадалась…

На ее лице я уловил секундную радость.

Мы снова молчали. Я нагнулся к полу и достал пачку своих сигарет. Затем подвинул к себе пепельницу. Закурил.

– Будешь? – предложил ей.

– Буду.

– Мои крепкие.

– Ничего.

Ветер приятно обволакивал наши голые тела. Перед рассветом всегда становилось прохладнее.

– Я закрою окно?

Встал с кровати и оперся рукой о подоконник.

– Зачем? – спросила она.

– Чтобы ты не замерзла.

– Летние ночи теплые, – улыбнулась она.

«Летние ночи стали короткими с тех пор, как появилась ты», – про себя подумал я.

– А где ты живешь? – неожиданно для себя спросил я, а затем обернулся к ней.

Она выпускала клубы дыма в потолок. Мои сигареты не были для нее крепкими.

– У тебя.

Я присел на край кровати.

– Нет, не сейчас. Вообще! У тебя есть дом?

На ее лице я заметил ухмылку.

– Я разве похожа на бездомную?

– Нет, не похожа, – подметил очевидное я.

– Почему тогда спрашиваешь?

Я отвел глаза в сторону.

– Мне хочется с тобой говорить.

Она с пониманием посмотрела на меня.

– Знаешь, в тот день, когда мы встретились в парке, мне до невыносимости хотелось сбежать из дома. Бежать без оглядки, куда угодно бежать, только бы не возвращаться по знакомым улицам, не видеть знакомые лица, не просыпаться в тех тошнотворных стенах. Мне хотелось бежать туда, где меня не могли бы найти. Не могли бы вернуть. Запереть. И оставить жить, как прежде. Ты меня понимаешь?

– Не совсем, – признался я.

– Это не так важно, – улыбнулась. – Я рада, что встретила тебя. Ты мне был нужен, как никто в этой жизни. И в какой-то даже степени – ты меня спас.

Ее слова были неописуемо приятными. Я мог часами слушать слова, которые заставляли вздрагивать мое сердце. «Я ей был нужен…»

– От кого спас? – не подав вида, уточнил я.

Сигарета дотлела в ее руке, пепел упал на кровать. Она пальцами стряхнула.

– Есть такой человек, который распоряжается моей жизнью, тем самым превращая ее в ад. Ему кажется, что я – не человек, а всего лишь его продолжение. В его глазах я не взрослая, самостоятельная женщина – а какое-то беспомощное дитя. Я ненавижу его всей душой…

Она смотрела в одну точку перед собой.

– Кто этот человек? – осторожно спросил я.

Она посмотрела в мои глаза.

– Мой отец.

Затем отвела свои в сторону.

Я проснулся.

* * *

Кофейня, как и всегда, была пуста. Как и всегда, в ней пахло чем угодно, но только не кофе. Роза не пришла, наверное, впервые за эти несколько дней. Я не слышал ее шагов, не слышал тихого шепота позади себя. И в какой-то момент я

даже подумал, что она умерла. На холодном полу, с иглой в руке, со стеклянными глазами, застывшими в одной точке. Жуткое зрелище. Но мне не было ее жаль, как увядшую женщину, как заблудившегося в себе человека. Запутавшегося в своей паутине. Много людей умирает, и если горевать по каждому из них, то не останется совсем души, чтобы оплакивать самых ближних. Я безразличен к людям, ко всему окружающему миру. Меня ничего не касается, только дождь.

Вы забыли Шекспира на своем столике. Вы забыли здесь свою роль…

На следующий день я вновь переступил порог кофейни и Розы, как и вчера, за столиком не обнаружил. Только ее книга. Я остановился. Взял в руки сборник сонетов и открыл на первой странице. Начал читать… Прошло около часа, а может, и больше. Я вновь что-то почувствовал, когда листал знакомые страницы. Что-то совершенно живое, некий трепет, легкий мороз по коже. Автор понимал меня. Он крал мои мысли и озвучивал их от своего имени. Я его слушал. Я слушал себя…

Взяв книгу, я вышел из кофейни и ушел в известном мне направлении. Я стоял у знакомой двери, она была на этот раз закрыта, но я был уверен, что не на ключ. Постояв несколько минут, я решился войти. Тихо отворив дверь, я вошел и медленно снял свою обувь. В воздухе я почувствовал запах жженых свечей. Затем я направился в спальню, чтобы подтвердить свои опасения. Роза лежала в постели, укрывшись одеялом. Никаких признаков жизни. Никаких признаков смерти. Я должен был убедиться… Тихо подкравшись к кровати, я наклонил голову к ее губам. Дышит! Хорошо… Спасибо и на этом. Я оставил на тумбочке ее книгу, а сам направился в прихожую. Не успел я обуться, как в дверь позвонили. А затем вставили в замочную скважину ключ…

Я в спешке вбежал в ванную и закрылся там изнутри. Ботинки я держал в руках. После нескольких неудачных попыток повернуть в замке ключ, человек, наконец, открыл незапертую дверь.

– Ты дома? – послышался громкий мужской голос. – Какого черта ты не закрываешь дверь? – по всей видимости, мужчина не счел нужным разуться, так как его голос отдалялся с каждым шагом.

– А тебе какое до этого дело? – я услышал равнодушный женский голос.

– Это мой дом, если ты забыла. И мне не хотелось бы, чтобы воры обобрали всю квартиру, пока ты спишь.

Этот человек мне не понравился сразу. Что-то в его голосе было такое гадкое, неприятное слуху. И слова его были не краше.

– Что тебе нужно? – спокойно спросил знакомый мне голос.

– Я разве не говорил уже? Мне нужно, чтобы ты убралась из моего дома.

Мне хотелось этого человека ударить в лицо. Не за Розу, нет. А за себя! Мне было стыдно и неприятно слышать такие слова в адрес женщины.

– Пошел вон! – бросила она презрительно. – Пошел вон, чтобы я тебя больше не видела.

Затем она вскрикнула.

– Еще одно слово в мой адрес, и я тебя…

Секундное молчание. Она чем-то ему пригрозила.

– Полегче. Спокойнее! Дай мне его…

В голосе мужчины я уловил волнение.

– Еще один шаг – и тебе конец, – процедила она с такой ненавистью, что мне стало не по себе.

– Мне нужно забрать свои счета… – как-то замялся он.

– Забирай все, что тебе нужно, и убирайся! Дважды я повторять не стану. Ты меня знаешь.

– Ты больная!

Мне показалось, что в ее руках был нож. Минуты три не было слышно ни звука, словно ничего и не происходило. А затем последовал громкий хлопок дверью.

Роза не издала ни звука, я затаил дыхание. Но потом услышал грохот. Она упала на пол и в гневе кричала самые ужасные слова, от таких слов мне захотелось принять душ. Чтобы смыть это с себя. Ею овладели эмоции, она плакала, и с каждым разом ее крики становились все тише. Спустя некоторое время она поднялась, и ее шаги начали отдаляться. Подождав несколько минут, я аккуратно открыл дверь ванной и босиком направился к входной двери, держа в руках свою обувь. За спиной я внезапно услышал:

– Я ведь думала, что оставила ее в кофейне. Каким образом…

К тому времени я закрыл за собой дверь.

* * *

Париж, что ты почувствовал тогда, той ночью, когда приставил ледяное дуло к ее горячему лбу? Она молила тебя сохранить ей жизнь? Нет, я не думаю. Она была тебе благодарна. Я представляю перед собой ее глаза, как она смотрела тогда на тебя, в тот миг, когда ты пальцем взводил курок. Ее губы дрожали, а глаза улыбались. Ты знаешь, как улыбаются глаза? Ты видел. Ты не отобрал у нее жизнь, нет! Ты лишил ее жизни… Это разные вещи. Ты у меня отобрал жизнь, а ее лишил. Сколько тебе заплатили? Сколько бы ни было, я заплатил бы тебе больше, чтобы ты и меня лишил жизни тогда. Есть такая поговорка: «В глазах убийцы – я его палач». Ты лишен человеческих чувств, Париж, и эта поговорка тебе не подходит. В глазах убийцы пустота. Я не могу себе представить, как ты живешь – без совести и ответственности за свои поступки, без внутреннего протеста против себя и тех дел, которые ты совершил. Без ночных монологов с самим собой, без стыда за себя. Человек без морали – это конченый человек. Ты не считаешь себя виновным. Ты смываешь кровь с рук в раковине, а затем готовишь себе обед. Ты смотришь в зеркало и видишь разводы на нем, трехдневную щетину и круги под глазами. Ты ложишься спать и думаешь о боли в желудке или в спине, тебя заботят лишь мысли о докторе и завтрашнем дне. Ты не видишь в отражении монстра. Я вижу в зеркале монстра, а ты нет. Чем же мои пороки страшнее твоих? Ты чудовище. Дьявол. И отобрав у

тебя жизнь, я сохраню десятки жизней людей, которые даже не догадываются о том, что на другом конце города или за соседним углом их дома, в тесном, сыром помещении стоит гроб с их инициалами.

Тебе осталось жить всего несколько недель, Париж. Наслаждайся каждым днем своим, как последним. Револьвер уже выстрелил. Пулю не в силах остановить даже Бог…

Я вставал среди ночи и в полном мраке подходил к зеркалу. Я представлял тот момент, когда приставлю к его лицу револьвер, улыбнусь ему в глаза и выстрелю. Я репетировал наш с ним диалог. Последний разговор в его жизни. Сколько страха я увижу в твоих глазах. Сколько мольбы, сколько жизни. Ты ведь хочешь жить, Париж? Я знаю, что хочешь. Ты можешь быть кем угодно сегодня, но под дулом пистолета ты будешь собой. Настоящим!

– Здравствуй…

Он посмотрел на меня, улыбнувшись.

– Ну, здравствуй…

Я поднял оружие перед собой.

– На колени!

Париж в тот же миг упал на колени и посмотрел на меня снизу вверх. Его глаза смеялись.

– Что тебя смешит? – приставил револьвер к его лбу.

– Ничего, – сказал он тихо и потряс головой. – Ничего.

– Если ты знаешь какую-то молитву, то я дам тебе время ее зачитать.

Он снова потряс головой. В его глазах я не заметил страха, а лишь насмешку.

– Стреляй!

Я закрыл глаза.

– Я прощаю тебя…

Сделал глубокий вдох и выстрелил. Его тело упало на пол. Он был мертв.

Я очнулся…

* * *

Что в тебе есть такого, чего я не видел в других? Ведь любой человек в этом мире пустой для меня. Что за силу скрываешь ты в своих холодных пальцах? Ведь когда ты ко мне притрагиваешься, я начинаю слепнуть, видеть вокруг себя мрак. Ищу руками в страхе предмет, о который можно было бы опереться. Чувство невесомости, словно я на высоте сотен метров, вокруг поют птицы, те, которые смогли долететь. Ветер гладит плечи, он в силах взять и толкнуть меня вниз. Я не вижу перед собой ничего. Но даже не видя пропасти перед собой, я ее чувствую. Обостряются чувства все на высоте, где разума больше не слышно. Разум остался внизу, там, на твердой земле, куда бы мне следовало за ним спуститься. Но. Меня привлекает страх, мне нравится, как живет мое тело. Как оно судорожно вздрагивает от мысли, что можно упасть и разбиться. Изучить язык тела, разобраться в себе, выйти на монолог откровенный. Мне жизнь не нужна, мне нужен лишь Рай. Я поднимаюсь все выше…

Моя голова лежала на ее животе. Я чувствовал каждый ее вдох. Она гладила мои волосы. Я чувствовал совершенно новый запах, ее парфюм мне казался приятным.

– Ты спишь?

Я покачал головой.

– Ты в меня влюбляешься?

Я не был готов к такому вопросу. Мне показалось, что она прочитала мои мысли.

Она продолжила:

– Ты можешь представить завтрашний день без меня?

Я затаил дыхание.

– Вот ты впустил меня в свой дом. Раздел догола, вдохнул всю, что есть, без остатка. Выдохнул. А я уже не могу подарить другому тот запах. Ты можешь меня смыть со своего тела, скрыть от другой, выбросить вон. А я тебя нет.

Я прекрасно понимал, о чем она говорила. Но мне был непонятен ее настрой.

– Почему ты так говоришь?

Она перестала водить пальцами по моим волосам.

– Когда делаешь что-то впервые, то нет времени к этому подготовиться. Собраться с духом, взвесить каждый свой шаг. Обдумать всю серьезность момента. Ты либо решаешься и делаешь этот шаг, либо отступаешь назад…

Она замолчала.

– Так вот… Я бы хотела, чтобы ты знал. Если тебе и придется застелить за нами чистую постель, открыть утром окно и выветрить наш запах. Смыть с моей чашки следы от помады. Собрать мое нижнее белье и наш ночной разговор, мое откровение – и вынести утром во двор. Куда выносят ненужные вещи. Если тебе и придется лечь в эту постель в полном беспамятстве, с мыслями, в которых нет места для меня, и где остался всего лишь прочерк. То я бы не хотела быть для тебя дурным, неловким воспоминанием, от которого хотелось бы отказаться, лишь бы не испытывать чувства стыда. Я еще никому до тебя не открывалась! Я еще никого не впускала ночью, ты ведь знаешь, что при свете дня люди зачастую лгут. Скрывают то, что и так при освещении видно. Я не знаю, кто ты, но ты ведь знаешь теперь, кто я. Ты открыл мои губы ночью, когда их привыкли закрывать, а значит, ты подобрал нужный ключ. Но я тебя хочу предостеречь! Тебе не удастся открыть им другую женщину… Ты тот мужчина, о котором я

буду вспоминать теперь каждый день. Как сильного человека, которому я однажды открылась. А открыть себя – это есть не что иное, как проявить свою слабость…

Она снова замолчала.

– Проявление слабости при виде сильного – это естественно. Это природа. Мне кажется, ты не тот, кто мог бы этим воспользоваться. Я смотрю в твои глаза и не вижу ничего, кроме себя самой. Рядом с тобой я расцветаю как женщина, я любуюсь собой. Своим телом. Мне нравится слушать свой голос, мне он кажется таким красивым. Редко так, когда смотришь на человека – а видишь в нем свою прелесть, зачастую случается наоборот. Ты не съедаешь меня, не выпиваешь до дна, не относишься ко мне, как к приобретенной вещи. Ты даешь мне право говорить, сбрасывать с себя все оковы, раскрываться, ты не надеваешь на меня кандалы. Лишь бы спрятать меня подальше от чужих, скверных глаз. Лишь бы я в твоих глазах не оказалась такой, какую ты до дрожи боишься представить. Неверной тем священным рукам, которыми ты меня гладишь. Ты даешь мне право жить. Ты не ломаешь мне крылья, лишь бы я не улетела слишком далеко от тебя, лишь бы я не летала с другими птицами. Ты не срываешь с меня мою красоту, ведь следом калечится и душа, а для женщины – это все. Ты не ставишь на меня клеймо запрета, как на какую-то прокаженную, неприкасаемую – пряча в своей спальне, на кухне, в себе, лишая права выйти в свет. Лишь бы никто на свете другой не заявил на меня свое право! Я чувствую себя рядом с тобой свободной, а потому мне не хочется никуда улетать.

То, что она говорила, было для меня открытием. Ее откровение – это, скорее, не утверждение конкретного факта. А лишь просьба о том, чтобы так было. Ничего из тех слов, сказанных в мой адрес, не относилось ко мне, но я всем сердцем чувствовал, что эти слова для меня. Я должен был ее услышать, понять. Как она чувствует себя. Как она видит нас или хотела бы видеть. Она примеряла на меня рубашку, которая была мне не по размеру. Но, черт возьми, мне захотелось расти, чтобы она стала мне по плечам.

– Спасибо.

Поблагодарил ее я.

– Спасибо.

Ответила она.

Я поднял голову с ее живота и сел на край кровати. Закурил.

– Мне хорошо в твоем гнезде.

Нарушила молчание она.

«Мне хорошо рядом с тобой», – проговорил мысленно я. И все мои слова улетели в мир недосказанных слов, не коснувшись своего адресата.

Я так и не научился говорить то, что у меня на душе. Оттого меня, наверное, и считают бездушным.

– Тебе заварить кофе? – спросил я, чтобы не выдерживать паузу.

– Пожалуй. Только не на свой вкус. Эспрессо с двумя ложками сахара, пожалуйста, – в ее глазах загорелся тот знакомый мне огонек. Несмотря на свою секундную слабость, эта женщина оставалась опаснее всех, кого я встречал в своей жизни. Мои руки до сих пор невольно подрагивают при мысли о супе и тех первых днях, когда я был у нее в заложниках.

Я искренне улыбнулся в ответ и пошел делать кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vyacheslav-prah/kofeynya-v-serdce-parizha

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити